

2. Занданова Л.В. Иркутская деревня в послевоенные годы: сельское хозяйство и население // Межвузовская конференция, посв. 50-ю Победы над фашистской Германией: тез. докл. Иркутск, 1995. С. 59.

3. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; Под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова.-М.:Изд-во Политической литературы, 1967 - 1988. Т. 3. 410 с.

4. Материалы 6 районной партийной конференции 2-3 августа 1952г. //Арх. агентство администрации Красноярского края Ф.п-20. Оп. 1. Д. 289. Л. 46.

5. Переписка с органами МТБ о компрометирующих данных отдельных коммунистов 14 января-24 июня 1947г. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.) Ф. 31. Оп. 5. Д. 4. Л. 22.

6. Ковригина С.В. Интервью с И.И. Рукосуевым // Арх. науч.-исслед. лаб. Брат. гос. ун-та. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.

7. Милохин, Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946-1958: соц.-экон. аспекты развития М.: Наука, 2005. С. 24.

8. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Ред. В.Т. Анисков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 236.

9. Докладные записки, отчеты, информации секретаря РК ВКП(б) по проведению отчетно-выборных собраний в партийных организациях, выборам народных судей, сельскому хозяйству и организационно-хозяйственному укреплению колхозов // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.) Ф. 210. Оп. 13. Д. 33. Л. 25.

10. Докладные записки, информации, отчеты секретаря Райкома ВКП(б) в обком ВКП(б) по организационной и массово-политической работе, политпросвещению, сельскому хозяйству и по выполнению решений бюро обкома партии. 1950г. // ГАНИИО. Ф. 210. Оп. 13. Д. 53. Л. 12.

11. Кожевникова Л.М. Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1990. С. 111.

12. Волков И.М. Деревня СССР в 1945-1953 годах в новейших исследованиях историков. // Отечественная история. 2000. № 6. С. 117.

13. Томилин В.Н. МТС в истории сельского хозяйства страны // Преподавание истории в школе. 2006. № 8. С. 19-21.

УДК 93/94

Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985–2004 гг.

В.А. Кудашкин

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

Slava1982@rambler.ru

Статья поступила 21.10.2014, принята 18.11.2014

Рассматривается государственная политика в отношении коренных малочисленных народов, проживающих на территории Иркутской области. Анализируются основные мероприятия, осуществляемые органами власти на местах, в области национальной политики в перестроечную эпоху, в период распада СССР и на этапе становления новой российской государственности.

Ключевые слова: национальная политика; коренные малочисленные народы; Иркутская область.

National policy concerning indigenous minority in 1985-2004s (based on the sources from Irkutsk region)

V.A. Kudashkin

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

Slava1982_@rambler.ru

Received 21.10.2014, accepted 18.11.2014

National policy, concerning indigenous minority of Irkutsk region, has been studied. Main events, held by the local authorities in the field of national policy during Perestroika, collapse of the USSR and development of a new Russian state, have been analyzed.

Key words: national policy; indigenous minority; Irkutsk region.

Национальная политика — это осуществляемая государством система мер, направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, решение противоречий в сфере национальных отношений; целенаправленная деятельность по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами, закрепленная в соответствующих политических документах и правовых актах.

В.А. Тишков называет этнополитикой сферу управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами [1]. Л.М. Дробижева отмечает, что мировой опыт знает, по сути, две модели этнической политики — ассимиляторскую и мультикультурную, от естественной мягкой аккультурации до свободной конкуренции. Причем, полностью ассимиляторская модель редко где удалась. Из этого можно сделать вывод о том, что под этнополитикой подразумевается управление этническими процессами. Касательно этнополитики в отношении коренных малочисленных народов ученые высказываются за дифференцированный подход к аборигенному (автохтонному) населению. По их мнению, тем, кто придерживается традиционного образа жизни, необходима иная помощь государства, чем тем, кто обрусел и живет в городах и поселках.

Основными целями государственной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации являются сохранение и развитие

их самобытной культуры и улучшение социально-экономического положения. Для этого прежде всего необходима соответствующая нормативно-правовая база.

В Иркутской области представители коренных малочисленных народов — 1743 взрослых и около 700 детей — наиболее компактно расселены в четырех районах:

- Нижнеудинском, на территории населенных пунктов Алыгджер, Верхняя Гутара и Нерха (тофалары);
- Катангском, Качугском и Казачинско-Ленском (эвенки).

Проблемы малочисленных народов Приангарья тесно связаны с общей социально-экономической ситуацией в стране. Огромная территория области, географическая удаленность населенных пунктов со слабо развитой инфраструктурой создают особые проблемы в жизни автохтонов, и наиболее заметно это отражается на здоровье и развитии малочисленных народов, включая детей дошкольного и школьного возраста. Острота социальных проблем более всего ощущается в сельской местности, где преимущественно и проживают представители местного населения.

Коренные малочисленные народы являются наиболее уязвимой категорией еще и потому, что основным источником средств к существованию, обеспечивающим их жизнедеятельность, являются традиционные виды хозяйствования и промыслы: оленеводство, охота, рыболовство, собирательство. Доходы именно от традиционного хозяйст-

ования определяют семейный бюджет большинства жителей населенных пунктов Тофаларии и Катангского района [3].

Из-за отсутствия предприятий по комплексной переработке сырья, роста тарифов на транспортные услуги значительную часть продукции традиционных отраслей и промыслов не удается доставить в места потребления и реализовать. Кроме того, промысел снижается из-за истощения ресурсов заготовительных угодий. Положение усугубляется еще и тем, что практически прекращены работы по изучению состояния природных и земельных ресурсов. Все это ведет к снижению материальной заинтересованности охотников-промысловиков в ведении традиционных промыслов [2].

В Тофаларии практически отсутствуют дороги (90 % территории — это среднегорные таежные ландшафты, остальная часть — горная тундра). Транспортная связь осуществляется посредством малой авиации, так как места традиционной хозяйственной деятельности (охотничье-промысловые базы, заготовительные участки) находятся на значительном удалении от мест традиционного проживания коренных жителей — 80–150 км [3], в Катангском районе — от 100 до 200 км.

В последнее десятилетие наблюдается резкое снижение занятости и, как следствие, падение уровня жизни коренных малочисленных народов. Реальные душевые доходы в семьях оленеводов и охотников более чем в три раза ниже соответствующих показателей для других групп населения, например, работников, занятых в промышленности и строительстве [4].

Жилищный фонд большинства сел в традиционных местах проживания ветхий, как правило, довоенной постройки. Плохое состояние жилфонда, недостаточные темпы его ремонта и строительства нового жилья в местах традиционного проживания не позволяют прогнозировать существенное улучшение жизни местного населения. При низком среднедушевом доходе многие семьи, особенно многодетные, остро нуждаются в улучшении жилищных условий.

Из-за большого дефицита кирпича в

Нижеудинском и Катангском районах Иркутской области, который связан с трудностью доставки, в домах поселков не было русских крестьянских печей, стояли обычные плиты с обогревательным щитом. Коегде не было даже их, только железные печки-буржуйки с жестяной трубой, выходящей наружу через потолок и крышу. Из мебели в доме были деревянные столы, табуретки, железные кровати. Коренные этносы предпочитали использовать вместо постельного белья шкуры медведей, кабанов, меховые одеяла, подушки, набитые шерстью кабарги. В домах появилась самодельная мебель в виде платяных и кухонных шкафов, различные сундуки, используемые для хранения праздничной одежды, пушнины, боеприпасов и других ценных для охотников вещей. В домах был минимум перегородок, так как тофы, эвенки, кеты и нганасаны предпочитали однокамерное жилище. Видимо, сказывалась привычка к чуму [5].

По мере роста благосостояния семей появлялась городская покупная мебель — различные комоды, шифоньеры, столы и стулья, кресла, трюмо, на окнах — занавески, тюль. Стали пользоваться металлической городской посудой, состоящей из оцинкованных ведер, баков, кастрюль, ковшей, тазов, мисок, сковородок, жаровен, кружек, которые хранились уже не в специальных мешках, а в кухонных шкафах и столешницах.

В 1980-е гг., с развитием туризма, молодежь обзавелась туристским снаряжением и предпочла чуму туристические палатки. Некоторые тофы, эвенки и кеты из Иркутской области, поработав в различных экспедициях проводниками, познакомились там с русским экспедиционным бытом и снаряжением и использовали все это для таежного промысла, оставив чумы. Это можно объяснить лишь тягой молодежи ко всему новому, необычному, которое всегда кажется лучше привычного и надоевшего своего. Привлекали также быстрота и простота установки палатки по сравнению с чумом, хотя жить в палатке было несравненно труднее, особенно из-за невозможности развести внутри костер. С уходом старшего поколения в тай-

ге стали строить охотничьи избышки по примеру русских промышленников — зимовья. На промысловом участке устанавливали обычно несколько таких избышек, возле них строили амбары для хранения припасов и продукции, но теперь это были не традиционные амбарчики на сваях, а русские амбары типа домиков [5].

Изменения происходили и под влиянием промышленного освоения. Коренные народы, их политические лидеры, деятели искусства и культуры, а также простые оленеводы, охотники и рыбаки предлагают различные варианты установления отношений с промышленными компаниями. Наряду с важнейшими для аборигенных движений лозунгами о праве на землю в современных условиях актуализируются идеи самоорганизации и самоопределения, репрезентации традиционной культуры в глобальном мире.

Причем если общинное самоопределение, вопросы представительства в органах власти рассматриваются в научной литературе достаточно подробно, то образы и знаки предлагаемого аборигенами диалога остаются сравнительно мало исследованными.

Представляет антропологический интерес именно то, как и зачем аборигены создавали свои музеи и этнокультурные центры, устраивали пикеты, посвящали оленей разным людям, включая президента России как гаранта Конституции. Необходимо отметить большую вариативность причин. К сожалению, приходится отмечать, что все эти яркие акции были эффективными в начале 1990-х гг. Сегодня они представляют скорее историю борьбы аборигенов за свои права.

Отказ представителей государственных органов вступить в диалог с аборигенами, организовавшими пикеты на пути нефтяного освоения, показывает слабость этой власти, ее неспособность выполнять конституционные обязанности. Свидетельством того, что нефтяники становятся на Севере действенной политической силой, является и то, что они устанавливают хотя бы какие-то рамки своей деятельности, вступают в диалог с аборигенами, пускай под давлением борьбы коренных народов. Другой актив-

ной стороной этого процесса являются лидеры коренных народов, которые готовят и проводят в законодательных органах власти нормативные акты, защищающие права своего народа.

Создаваемые музеи являются в какой-то степени преградой на пути массированного промышленного освоения, так как благодаря им происходит знакомство нефтяников с культурой коренных народов, а значит, может возникнуть интерес к этой культуре. Проявление интереса — первый шаг на пути установления партнерства. Такие попытки предпринимаются представителями этих народов, в том числе работающими в компаниях, которые разрабатывают регламенты для нефтяников. Но без научной и государственной поддержки такие начинания оказываются малоэффективными [5].

По образному выражению А.С. Сопочинной, для аборигенов характерна закрытая открытость. Как отмечается исследователями, это позволяло им сохранять свои культурные ценности и знания в течение длительного времени проживания их в рамках преобладающей государственной культуры, но эти же обстоятельства существенно затрудняют взаимодействие как с нефтяниками, так и с чиновниками, придерживающимися иных коммуникативных стратегий. И если от государственных служащих уважение традиций народов России требуется по указке президента, то необходимость знакомства с местными обычаями нефтяников ложится на плечи антропологов и самих аборигенов. В рамках современной социально ответственной политики компаний такие коммуникативные проблемы могут быть решены, но для этого компании и предприятия должны перейти от деклараций и ответственному партнерству с аборигенами [6].

Администрацией Иркутской области определены следующие направления реализации концепции государственной национальной политики на территории области:

- сохранение исторических ценностей народов, проживающих в области;
- развитие национальных культур и языков народов;

– обеспечение социальной защищенности и равноправного развития народов, особенно малочисленных;

– поддержание стабильности межнациональных отношений, мира и согласия.

Однако говорить в 1985–2004 гг. о сколько-нибудь артикулированной и осмысленной политике по отношению к национальным меньшинствам не приходилось: в области отсутствовали соответствующая правовая база, программы и ориентированное финансирование.

Провалы в финансировании национальной политики в предыдущие годы привели к секвестру данной статьи бюджета. В 1994 г. было выделено 13,4 % от запланированной суммы по статье «национальная политика», в 2000 году — 46,8 %. Последний раз финансирование национальной политики отдельной строкой бюджета зафиксировано в 2000 г., когда предполагалось выделение по этой статье 457 тыс. р. [2].

В то же время известно, что в 2002 г. на финансовую поддержку национально-культурных объединений области, меры по обеспечению их деятельности и участие представителей НКЦ и НКА в различного рода мероприятиях из бюджета области было израсходовано 1 777,4 тыс. р. [7]. В основном эти средства пошли на организацию фестивалей, дней культуры, семинаров и конференций.

В 2004 году мероприятия по реализации национальной политики проводились по разделу бюджета «социальная политика», и их финансирование непрозрачно. В бюджете Иркутской области 2004 г. на проведение национальной политики было предусмотрено 2,17 млн р., что на 500 тыс. р. меньше, чем в 2003 г. Всего в области действуют 50 национально-культурных объединений и центров, в 2003 г. на каждый в среднем приходилось 11 тыс. р. из бюджета, в 2004 г. — 9 тыс. р.

Единственным приоритетным направлением областных органов государственной власти в сфере национальной политики являются защита и поддержка коренных малочисленных народов [8]. В то же время, не-

которые шаги администрации по разработке программы национально-культурного развития и межнационального сотрудничества Иркутской области, организации центра межнационального общения, созданию координационного совета по взаимодействию с национально-культурными центрами и др. позволяют судить об определенных подвижках, осознании исполнительной властью необходимости конструктивного сотрудничества с национальными меньшинствами).

Промышленное освоение Иркутской области нарушило природный быт коренных народов. Многие из тофов и эвенков не могут заниматься ничем, кроме охоты и рыболовства. Местные власти пытаются обучать их новым профессиям, но часто для них просто нет рабочих мест.

Региональная государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера на 1999–2000 гг. была сориентирована на создание условий для этнического выживания, сохранения самобытности, национального возрождения, свободного социально-экономического и культурного развития [9].

В рамках федеральных целевых программ «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.» и «Дети Севера» в 2002 г. получено из федерального бюджета и полностью освоено 2,6 млн р. (соответственно 1,7 и 0,9 млн р.). За счет областного бюджета выделены и освоены по линии софинансирования данных программ 0,2 млн р.

Программой социально-экономического развития Иркутской области до 2005 г. предполагалось «оказание конкретной поддержки разным сферам жизнедеятельности коренных малочисленных народов (тофаларам и эвенкам) в суммарном объеме до 21–24 млн р. в год за счет федерального и областного бюджетов» [10].

В области принята целевая программа «Дети Севера и коренных малочисленных народов» на 2002–2005 гг.², однако в 2002 г.

² Областная государственная социальная программа «Дети Севера и коренных малочисленных народов» на

программа не финансировалась, в 2003 г. было предусмотрено финансирование в размере 500 тыс. р. [10], тогда как в соответствии с программой на 2003 г. ожидалась поддержка в размере 7 150 тыс. р. в ценах 2001 г.

В 2004 г. предусматривалось ассигнование в размере 5 038 тыс. р., в т. ч. 2 398 тыс. р. по линии аппарата губернатора и 1 970 тыс. р. по линии главного управления здравоохранения, 220 тыс. — через комитет по культуре и 455 тыс. р. — по линии главного управления общего и профессионального образования обладминистрации (ГУОПО) [11].

В 2004 г. по инициативе и при поддержке комитета по связям с общественностью и международным отношениям ЗС прошло несколько знаковых мероприятий, среди них — научно-практическая конференция «Международные отношения в Иркутской области», прошедшая в Иркутске 8-9 апреля, межрегиональный обучающий семинар представителей национальных культурных обществ (апрель), семинар «Программы развития национально-культурных объединений Иркутской области», состоявшийся в Иркутске 30 января в рамках конкурса «Сибирь — территории согласия» и др.

Таким образом, в изучаемый период наблюдался рост уровня социально-политического развития коренных народов Иркутской области. Для периода 1985–1993 гг. характерны активность малочисленных народов, их вера в возможность быстрого и радикального изменения социального положения; усиление внимания общества и власти к проблемам малочисленных народов Севера; многообразие направлений социально-политического развития; формирование и становление Ассоциации коренных малочисленных народов Севера; противоречивый характер отношений с органами власти всех уровней.

Период 1993–1999 гг. характеризовался:

– социальной апатией и лишь единичными всплесками активности представителей

коренных малочисленных народов по решению вопросов жизнедеятельности;

– снижением представительства аборигенных народов в органах власти; переключением внимания органов власти на вопросы социально-экономического развития аборигенных этносов;

– появлением новых структур управления развитием коренных малочисленных народов Севера.

В целом для периода 1999–2004 гг. характерно возрастание роли общественных формирований коренных малочисленных народов, выразившееся в активизации их участия в процессе формирования нормативно-правовой базы, регулирующей жизнеобеспечение и развитие; в изменении характера взаимодействия малочисленных народов и их общественных формирований с органами государственной власти и местного самоуправления, а также расширении представительства общественных организаций коренных малочисленных народов в законодательных органах власти.

Литература

1. Тишков В.А. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // Русский журнал. 2001. № 39. С. 6.
2. Об утверждении ведомственной целевой программы Иркутской области [Электронный ресурс]: приказ М-ва соц. развития, опеки и попечительства Иркут. обл. от 22 окт. 2010 г. № 308-мпр. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».
3. Кудашкин В.А., Янюшкин С.А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х–1991 гг. Братск: БрГУ, 2009. 172 с.
4. Отчеты Иркутского обкома партии. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).
5. Кудашкин В.А. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2012. № 3-2. С. 102-105.

2002–2005 годы (утв. постановлением Законодательного Собрания Иркутской обл. № 12/24-ЗС (ред. от 22 июня 2005 г.).

6. Кудашкин В.А. Изменение жизненных стратегий у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2011. № 2-1. С. 101-104.

7. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 г. М., 2003. С. 237.

8. Кудашкин В.А., Бояринова М.М. Государственная политика и проблема адаптации эвенков Прибайкалья в XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (32). С. 88-91.

9. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера (материальная поддержка проживающих в сельской

местности малообеспеченных семей из числа коренных малочисленных народов Севера [Электронный ресурс]: обл. программа от 9 апр. 1999 г. № 243-п., [утв. постановлением губернатора Иркут. обл.]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

10. Программа социально - экономического развития Иркутской области до 2005 года [Электронный ресурс]: прил. к закону Иркутской области от 11 июля 2002 года № 33-оз, разд. «Государственная поддержка северных территорий», [утв. постановлением губернатора Иркут. обл.]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

11. Об областном бюджете на 2003 год [Электронный ресурс]: закон Иркут. обл. от 28 дек. 2002 г. № 65-оз с прил. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».